

в сложный и прихотливый узор самые различные метафоры в «Оде на прибытие Елизаветы Петровны 1742»:

Взнесись *превыше* молний, Муза,
Как быстрый с Пиндаром орел;
Гремящих арф ищи союза
И в *верьх* пари скорее стрел;
Сладчайший нектар лей с Назоном;
Превысь Парнас *высоким* тоном.

В этих строках метафоры связаны между собой тем, что в основе каждой из них лежит понятие «высоты», вернее «высокости». Ломоносов как бы играет многозначностью слова *высота*, переключая его с предметного значения на отвлеченное, подменяя высоту как понятие пространственное — высотой поэтической, высотой поэтического стиля, поэтического звучания. Здесь принципы ломоносовского стиля — высота, великолепие, выразительность — не только декларированы «содержанием», но и воплощены в самой форме стиха, доказаны поэтической практикой самого Ломоносова, редким примером слияния идеи стиля и его словесного выражения. *Превыше* молний и в *верьх* пари в данном контексте еще может быть воспринято предметно, в значении пространственной высоты, хотя соседство таких головокружительно-смелых метафор, как *гремящих арф ищи союза* очень ослабляет эту предметность, но *превысь Парнас высоким тоном* уже исключает такое понимание совершенно. И в то же время между этими двумя рядами метафор устанавливается внутренняя связь посредством различных форм от той же основы «высота» — *превыше*, в *верьх*, *превысь*, *высоким*. В итоге «высокость» — высота становится словесной темой целой строфы, метафора перестает быть одиночным приемом изобразительности, и стих Ломоносова приобретает двойное единство: логическое и словесно-поэтическое, стиливое. Так впервые в русской поэзии XVIII века и в русской поэзии вообще была понята одна из возможностей поэтического слова!

Уже в «Риторике» 1744 года Ломоносов подробно излагает отдел тропов и особенно тщательно разъясняет сущность и значение метафоры: «Риторические слова те называются, которые саму предложенную вещь точно и подлинно не значат, но перенесены от других вещей, которые со знаменуемою некоторое сходство или принадлежность имеют, однако притом большую силу подают в знаменовании, нежели сами свойственные слова, н. п.: о беспокойных ветрах лучше сказать, что они *бунтуют*, нежели *тянут* или *веют*, хотя глагол бунтуют не до ветров, но до людей надлежит».⁴⁵

В «Риторике» (1748) эта мысль о превосходстве переносных выражений над прямыми высказана с еще большей настойчивостью

⁴⁵ Ломоносов, т. 7, стр. 50. Курсив Ломоносова.